

Д.А.Бессуднов

ПАРТНЕРСТВО, ИНТЕГРАЦИЯ, ИНКОРПОРАЦИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ЛИВОНИИ И ЛИТВЫ НАКАНУНЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Настоящая статья посвящена анализу состояния торговых отношений Ливонии и Литвы накануне рокового январского похода 1558 г. Экономические отношения Ливонии и Литвы имели заметное влияние на развитие отношений внешнеполитических, приняв форму экономической интеграции вкупе с постепенным наступлением на границу на локальном уровне, что впоследствии привело к включению земель Ливонского ордена в состав владений польско-литовского государя.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Ливония, литовско-ливонская торговля, Ливонская война

Когда речь заходит о состоянии и развитии экономики Литвы рубежа Средневековья и раннего Нового времени, чаще всего объектом внимания исследователей традиционно является ее аграрный сектор¹. Существуют интересные публикации по хозяйственной деятельности Каунаса и Вильноса², число которых в последнее время увеличивается благодаря усилиями археологов [1, 2]. Особую тему представляет производственно-торговая деятельность Смоленска, Витебска и Полоцка, русских городов в составе Литвы [3, 4]. Однако степень изученности внешних торговых связей Литвы не подлежит однозначному определению. С одной стороны, о торговле Литвы с соседними государствами (Русью, Польшей, Ливонией и др.), а также с Ганзой, сказано немало в обзорах публикациях, в трудах по политической истории³, исторической географии⁴, истории края и его освоения⁵, однако, с другой стороны, в настоящее время отсутствуют фундаментальные, обобщающие исследования такого рода проблематики. Это представляется странным, поскольку из-за ключевого положения Литвы на стыке католической Европы и русских земель с выходом в балтийские области, где действовала Ганза, и в Причерноморье, внешняя торговля имела для этого государства в огромное значение как фактор, детерминирующий его социально-экономическое, политическое и культурное развитие. Кроме того, внешнеэкономические связи Литвы являются одним из значимых элементов исторического контекста, важного для рассмотрения последующих событий Ливонской войны 1558—1583 гг. В настоящем исследовании дается характеристика состояния литовско-ливонских торговых коммуникаций, которые пока не получили должного освещения в научных публикациях. Также, в настоящем исследовании будет приведена характеристика фондов, позволяющих оценить состояние и развитие ливонско-литовской торговли, а также рассмотрена та роль, которую сыграли экономические отношения Ливонии и Литвы на развитие отношений внешнеполитических, закончившихся, впоследствии, включением земель Ливонского ордена в состав владений польско-литовского государя. Наибольший интерес в этом отношении представляют материалы личного архива одного из главных участников инкорпорации Ливонии, прусского герцога Альбрехта.

В XVI веке внешнеэкономические связи в Литве осуществлялись по нескольким направлениям: южная часть ориентировалась на Данциг (Гданьск) и Кёнигсберг, а Жемайтия и Занеманье — на Ригу, торговую

¹ Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. 932 с.; Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958. 547 с.; Казаков Л.Ю. Влияние экономических процессов в странах Европы на развитие сельского хозяйства Великого княжества Литовского во второй половине XVI — начале XVII в. // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. 2008. № 1. С. 141-146; Демичев Д.М. Аграрно-земельные отношения в Беларуси в период Великого княжества Литовского // *Аграрное и земельное право*. 2013. № 4(100). С. 8-16.

² Kiaupa Z. Die litauischen Städte im Spätmittelalter zwischen eigener Herkunft und dem Einfluß ausländischer Nachbarn // *Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis 20. Jahrhundert*. Norbert Angermann zum 60. Geburtstag. Lüneburg, 1996. S. 167-177; Kiaupiene J. Die Handelskontakte des Großfürstentums Litauen mit den Städten des Hansegebiets in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Auskünfte aus bisher unberücksichtigten Quellen // *Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hansezeit*. Lüneburg, 2001. S. 265-274; Дячок О.А. Вопросы торговли Великого княжества Литовского с русскими княжествами и землями в дипломатических документах середины XV — начала XVI в. // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв.: сборник материалов Второй международной научной конференции*. 2009. С. 14-17; Уваров И.Ю. Увеличение роли торгового капитала в экономике Великого княжества Литовского в конце XV—XVI в. // *Ученые записки УО ВГУ им. П.М.Машерова*. 2012. Т. 14. С. 38-44.

³ Herbst S. *Wojna inflancka 1600—1602*. Warszawa, 1938. 253 s.; Johansen P. Die Bedeutung der Hanse für Livland S. 1-55; Rauch G. *Moskau und europäische Mächte des XVII Jahrhunderts* // *Historische Zeitschrift*. 1954. Bd. 178. S. 25-46; Королюк В.Д. Ливонская война. М., 1954. 111 с.; Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959. 531 с.; Форстен Г.В. Балтийский вопрос. Т. 1-2. СПб., 1893-1894. 717, 630 с.

⁴ Сапунов А.П. Река Западная Двина. Витебск, 1894. 512 с.; Данилевич В.Е. Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV столетия. Юрьев, 1898. 20 с.; Павулан В.В. Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII—XVII вв. // *Экономические связи Прибалтики с Россией*. Рига, 1968. С. 75-94.

⁵ Wilkowski M. *Dźwina i Dżisna. Uwagi i materiały do wstępnych badań problem eksploatacji rzek Polski północno-wschodniej*. Wilno, 1938. 103 s.; Алексеев Л.В. Полоцкая земля. Очерки истории Северной Белоруссии. М., 1996. 295 с.; Сколис Я. Рига. Очерки по истории города. Рига, 1967. 319 с.; Сапунов А.П. Двинские, или Борисовы, камни. Витебск, 1890. 31 с.

преимущественно через порт Клайпеды [5]. Балтийское направление литовской торговли требовало развития экономических связей с Польшей, присоединившей в XV веке Поморье с Данцигом и подчинившей себе Пруссию, и также с Ливонией. Масштабы торговой деятельности литовцев на обоих направлениях колебались, но в целом сохраняли равные пропорции и внушительный объем [5, с. 38]. По сравнению с Литвой, торговля Польской Короны с Ливонией не была столь активна, поскольку для Польши основным торговым пунктом на Балтике являлся ганзейский город Данциг, а после 1525 г. к нему добавился Кёнигсберг. Ливонское же направление имело весьма древние корни — литовские купцы активно торговали в Риге еще в XIII веке [6, 7], а в XVI веке, по мере превращения Понеманья в хинтерлянд Риги, откуда поступали продукты сельского хозяйства и лесных промыслов для дальнейшей перепродажи за рубеж, их связи активизировались еще больше [8].

Основной торговой магистралью для связи с Ливонией была Даугава (Западна Двина; нем. — Дюна), объединявшая Вильно, Каунас, Полоцк с Ригой единой системой коммуникаций [7, с. 75-94]. Развитие торговли между Литвой и ливонскими землями, заметное в начале XVI века, и расширение ассортимента литовского экспорта послужили толчком к появлению в Литве целой сети торговых местечек — в литовско-ливонскую торговлю включились Рокишкис, Панделис, Шедува, Биржай, Кедайняй, Купишкис, Сведасай, Жагаре, Укмярге, Аникшай и Вабальникас. Постоянный ассортимент поставляемых Литвой товаров сформировался еще в XIV веке — воск, кожи, шкуры и изделия из них, пенька, дерево и пиломатериалы, в обмен на которые Литва получала в качестве импорта ткани, соль, рыбу, металл, предметы роскоши и современное вооружение [5, с. 50]. В начале XVI века объем литовской продукции пополнился за счет большого количества зерна, ремесленных изделий, льна и прочих видов сельскохозяйственного сырья; кроме того, возросли объемы традиционного экспорта и улучшились его качественные характеристики⁶. Хлеб вывозили преимущественно в Данию и Нидерланды, лес — в Англию, обслуживая активно растущие сырьевые запросы развивающихся морских держав [9, 10]. Хлеб, наряду с продукцией лесных промыслов, стал прочной основой для увеличения экспорта, что привело к значительному росту количества зерна, производимого в Польско-Литовском государстве, на которое существовал стабильный спрос на внешнем рынке [10, с. 26-27; 11].

Тема экономического взаимодействия Литвы и Ливонии часто поднималась в ливонско-литовской государственных, дипломатических актах и в прочем документальном материале. Пункты, касающиеся ливонско-литовской торговли, присутствуют в тексте Торуньского мира Польско-Литовского государства с Тевтонским орденом 1411 г.⁷, в Мельнском договоре 1422 г.⁸; предоставившем литовским купцам свободу торговли и прямой доступ к Балтийскому морю через Палангу; в знаменитом Позвольском договоре 1557 г.⁹, который, кроме прочего, освободил литовских и польских купцов от всех пошлин и сборов «как в городе Риге, так и в других местах [Ливонии]»¹⁰; а также в ряде других документов¹¹. Об интенсивности и значимости торговых связей Литвы и Ливонии свидетельствует также использование в качестве литовского средства платежа в XIV веке ливонского шиллинга, который имел хождение на всей территории княжества¹². О популярности этой монеты свидетельствует её массовая подделка, наиболее распространенная в Полоцке [12]. Показательна также практика, зафиксированная в ливонско-литовских договорах, согласно которой торговля Ливонии с Литвой не должна была прекращаться даже в условиях ведения войны¹³. Большое количество информации о состоянии ливонско-литовской торговли также содержит в себе личный архив прусского герцога Альбрехта — в нем содержатся документы, касающиеся торговли города Риги и рижской епархии¹⁴, торговых сношений с Литвой¹⁵ и отношений с русскими купцами¹⁶.

⁶ Samsonowicz H. Handel zagraniczny Gdańska w drugiej połowie XV wieku // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1956. Т. 47. S. 319-320; Дорошенко В.В. Действие революции цен в Восточной Прибалтике в XVI веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1963. С. 118; Jakubowski J., Kordzikowski J. Inflanty. Warszawa, 1915. S. 89-90.

⁷ Pax & Concordia inter Henricum de Plauen Magistrum Prussiae, & Vladislaum Regem Poloniae, ac Vitoldum Ducem Litvaniae. 1. Februar, 1411 // CDPL. Т. 4. № 80. S. 84-87.

⁸ Faedus perpetuae pacis, unionis & concordiae inter Vladislaum Regem Poloniae ac Vitoldum Ducem Litvaniae, Ducisque Masoviae ab una, & Paulum de Rusdorf Magistrum Cruciferorum & suum Ordinem parte ab altera. 27. September, 1422 // CDPL. Т. 4. № 90. S. 110-115; Полехов С.В. Наследники Витовта. С. 143.

⁹ Unter Vermittlung der Reichsgesandten geschlossener Friedensvertrag zwischen dem König von Polen einer- und dem Meister und den livländischen Ständen andererseits. 5. September, 1557. GStA PK, XX, HA HBA, № 2084. S. 1a-4b; Попов В.Е., Филюшкин А.И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 168-183; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 38, 205-206.

¹⁰ Ibid. С. 179.

¹¹ Switrigail, GF. Von Litauen, und der D.O. in Preussen und Livland schliessen ein Defensiv- und Offensivbündniss mit einander ab. 19. Juni, 1431 // LECUB. Bd. 8. № 462. S. 271-274; Neitmann K. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen 1230-1449. S. 193-197; Instruktion Erzbischof Wilhelms, seiner Räte und Ritterschaft... April/Mai, 1559 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2423. S. 8a; Danzig stellt dem Archidiacon des Metropolitens Isidor von Kiew nebst seinem Gefolge einen Geleitsbrief aus. 7. Mai, 1438 // LECUB. Bd. 9. № 416. S. 289; Kłodziński A. Stosunki Polski i Litwy z Infantami przed zatargiem 1556-7 // Kwartalnik Historyczny. № 22. Lwów, 1908. S. 354; Дзярновіч А.І. "...In nostra Livonia". Т. 1. С. 226. Подробный анализ ливонского участия в династической войне внутри Великого княжества Литовского представлен в монографии С.В.Полехова: Полехов С.В. Наследники Витовта. С. 274, 306-307, 320-327, 373-376, 403-404, 464-466.

¹² Дзярновіч А. І. "...In nostra Livonia". Т. 1. С. 28-29.

¹³ LECUB. Bd. 9. № 415. S. 287-288; Напьерский К. Е. Русско-ливонские акты. № 242. S. 196-197.

¹⁴ GStA PK, XX, HA HBA. № 1536, 1544, 1572 1588 1787, 1790, 2182, 2252.

¹⁵ GStA PK, XX, HA HBA. № 1588, 2080, 2208, 2084, 2282, 2419, 2423.

Ориентация на балтийский рынок вообще имела заметное влияние на экономическое развитие Литвы. Ощутимая выгода от торговли привела в конце XV в. к значительному увеличению числа шляхтичей и магнатов, принимающих участие во внешней торговле как непосредственно, так и через торговых агентов [10, p. 30-31]. Это предопределило быструю трансформацию поместного хозяйства в фольварк, ориентированный преимущественно на внешний рынок [13]. Фольварочный тип хозяйствования и расширение сословных привилегий [14] благоприятствовали дальнейшему развитию торговли и стабильному увеличению объемов экспорта. Если в 1491—1492 гг. вывоз зерна через Данциг составлял всего 5,5 тыс. ластов (ласт — мера корабельного груза, приблизительно равна двум тоннам), то уже к 1537 г. экспорт почти удвоился, достигнув цифры в 10 тыс. ластов. Во второй половине XVI в. тенденция роста сбыта зерна продолжилась (66 тыс. ластов в 1563 г.) и достигла своего пика в 1618 г., когда экспорт составил 118 тыс. ластов¹⁷. Литовско-польская знать быстро включилась в торговые отношения в Балтийском регионе, чему лишь способствовало приобретение в первой половине XVI в. права экспорта собственного зерна и других товаров, а также заграничного импорта без уплаты пошлин и налогов¹⁸. Формирование поместий-фольварков является ярким примером влияния потребностей балтийского рынка на внутреннюю политику как Литвы, так и Польши. Однако, увеличение объемов экспорта не влияло на сам принцип совершения торговых сделок. Дело в том, что приезжие купцы были обязаны реализовывать свой товар исключительно через посредничество ливонских торговцев¹⁹, что, по законам рынка, вынуждало снижать изначальную цену в интересах сохранения конкурентоспособности при утрате части прибыли, которая доставалась посреднику.

Очевидно, что при столь тесных и длительных торговых контактах подобные условия для реализации товара не могли устраивать литовскую сторону. Однако установленный порядок торговли оставался неизменным. В первую очередь, в этом были заинтересован Ливонский орден, де юре представлявший государственную власть в Ливонии. Хозяйственные угодья Ордена существовали, по большей части, за счет производства и сбыта всё тех же зерна и лесоматериалов через ганзейские порты²⁰, в силу чего чрезмерные послабления в литовско-ливонской торговле могли чрезмерно усилить конкурента за счет расширения объемов литовской торговли и тем самым подорвать экономические позиции Ордена. Надо полагать, что в этом с Орденом были солидарны и ливонские сословия, многие из которых обогатились за счет транзитной торговли. Однако многочисленные внутренние противоречия Ливонии, самым ярким из которых являлся конфликт Ордена, архиепископа Риги Вильгельма и ливонских сословий, лишь обострившиеся с приходом Реформации, стали плодотворной почвой для развития литовско-ливонских торговых отношений и дальнейшей экономической интеграции Ливонии в состав Польско-Литовского государства.

Показательным сюжетом, отразившим стремление архиепископа Вильгельма к установлению более плотной коммуникации с Литвой в противовес Ордену, стало дело о закрытой литовской дороге. Первое упоминание о ней можно обнаружить в личном архиве герцога Альбрехта в ходатайстве архиепископа Вильгельма перед польским королем и великим князем литовским Сигизмундом II Августом от 1551 г. касательно дороги, ведущей из Ливонии в Литву²¹. Разрешенный и действующий на тот момент путь был открыт в период многолетнего противостояния между Орденом, рижским епископством и Ригой в XV в., «в начале рижского восстания для блага Риги и в ущерб архиепископству». Данный маршрут проходил по землям, контролировавшимся Ливонским орденом и был слабо связан с землями епархии, в связи с чем Вильгельм неоднократно обращался к Сигизмунду с просьбой закрыть существующую дорогу, и возобновить сообщение по закрытой старой дороге, идущей по землям архиепископства (а не Ордена) прямо в Литву²². Сигизмунд II Август благосклонно отнесся к просьбам архиепископа, предоставив помощь и способствуя решению этого дела в сейме, созванном 28 октября 1551 г.²³ Кроме Сигизмунда в открытии запретной литовской дороги оказался заинтересован также видный литовский политический деятель Николай Радзивилл Черный²⁴, ставший впоследствии одним из главных инициаторов инкорпорации Ливонии. Но, к несчастью для Вильгельма, подавляющее большинство литовской знати не оценило перспектив развития ливонского направления, традиционно более отстаивая собственные права и привилегии — тем более что намечающаяся перекройка путей сообщения с Ливонией неминуемо грозила бы ухудшением отношений с Орденом и Ригой.

Стоит добавить, что экономические интересы Литвы не заключались только лишь в стремлении обеспечить себе наилучшие условия сбыта. Важной задачей было также установление контроля над торговлей с Московским государством, которое являлось одним из самых важных направлений транзитной торговли через

¹⁶ GStA PK, XX, HA HBA. № 2135, 2136, 2181, 2182, 2185, 2192, 2627, 3051

¹⁷ Lauffer V. Danzigs Schiff- und Warenverkehr am Ende des 15. Jahrhunderts // Zeitschrift des Westpreußischen Geschichtsvereins. Hamburg, 1894. Bd. 23. S. 8-29; Rybarski R. Handel i polityka handlowa Polski w XVI w. T. 2. S. 27, 38; Krannhals D. Danzig und der Weichselhandel in seiner Blütezeit vom 16 bis 17 Jh. Leipzig, 1942. S. 9; Davies N. God's Playground: A history of Poland. New York, 2005. Vol. 1. P. 198.

¹⁸ Kahk J., Tarvel E. An economic history of the Baltic countries. P. 48, 55-57.

¹⁹ Дзярновіч А.І. "...In nostra Livonia". Т. 1. С. 28.

²⁰ Kreem J. The Teutonic Order and the Baltic Sea in the 13th-16th centuries. S. 595.

²¹ GStA PK, XX, HA HBA. № 1527.

²² GStA PK, XX, HA HBA. № 1531, 1565, 1709.

²³ GStA PK, XX, HA HBA. № 1531, 1536, 1565.

²⁴ GStA PK, XX, HA HBA. № 1633.

Ливонию. Ранняя история ливонско-русских торговых отношений в некоторых чертах вызывает невольную ассоциацию с ливонско-литовской торговлей. В частности, как и в случае с Литвой, присутствие русских купцов в Ливонии имело весьма древние корни и было зафиксировано еще в XIII в. [6, s. 156-161; 7, с. 79; 15]. Как и в случае с Литвой, основным предметом русского экспорта на балтийском рынке являлись сырьевые товары – лён, пенька, воск, хлеб, мед и пушнина. Изначально, ливонские города торговали только с Новгородом и Псковом, и несмотря на достаточно сложные отношения, избыточные в том числе и различными кризисными ситуациями, взаимная выгода от торговли способствовала формированию единого торгового пространства²⁵, в рамках которого даже конфликты развивались по одному и тому же шаблону, и не принимали радикальных форм, неизменно завершаясь подписанием нового мирного договора и возобновлением торговли.

Однако выстроенная и вполне законченная система отношений дала основательную трещину с началом проведения политики собирания русских земель Иваном III. Действия московского князя подразумевали непосредственную опасность для Новгорода и Пскова, в связи с чем возникла угроза того, что уже хорошо известные торговые партнёры будут смещены новым, абсолютно непредсказуемым игроком. Ощущая надвигающуюся угрозу и пытаясь помочь своим деловым партнерам, ливонским магистр Иоганн Вольгус фон Херзе даже предпринимал усилия по созданию антимосковской коалиции, однако этот проект завершился неудачей [16]. После присоединения «вечевых республик» Москва не стала выстраивать систему отношений заново, используя уже имеющиеся связи при посредничестве всё тех же Новгорода и Пскова. Такой подход в целом выполнял свои функции, однако не мог изменить настороженной позиции ливонцев к Московии, что, впрочем, не помешало возобновлению торговли. Новый магистр Бернд (Бернхардт) фон дер Борх оперативно наладил отношения с московским князем, получив удобный для коммерческой деятельности статус дружественного нейтралитета в условиях противостояния Московии и Литвы²⁶, не согласной с претензией московского князя на обладание литовскими землями с православным населением. Выгода от торговли с московскими землями и сильная конкуренция со стороны датских купцов обусловили активную интеграцию Ливонии в Центральную и Восточную Европу, где Ливония оказалась вынуждена лавировать между интересами Литвы и Московии²⁷, получая при этом солидные прибыли от транзитной торговли²⁸. По мнению П.Йохансена, именно этому явлению Ливония оказалась обязана расцветом городов в XVI в.²⁹, однако экономический рост лишь подогрел интерес соседних держав, воспринимавших ливонские земли как пространство для территориального расширения.

Из всего сказанного становится очевидно, что у Польско-Литовского государства в Балтийском регионе имелись значительные экономические интересы, весомые настолько, что они оказывали заметное влияние на экономическую структуру государства. В первую очередь, это касается Литвы, чьи взаимоотношения с ливонскими землями были гораздо более продолжительными и масштабными, чем у Польши, по причине непосредственного соседства. Этот тезис находит свое подтверждение в договорах: прямые взаимоотношения литовцев и ливонцев многократно получали закрепление в договорах, большая часть из которых были так или иначе связаны с ливонско-литовской торговлей³⁰. Этого не наблюдается в случае с Польшей, связи которой с Ливонией были гораздо менее активными и, как и в случае с политическими взаимоотношениями, осуществлялось не напрямую, а опосредованно, через Пруссию [17]. Перспектива установления контроля над экономически сильным и развитым регионом привлекала соседние с Ливонией державы, однако возможности прямой экспансии были ограничены в силу особого статуса конфедерации как «орденского государства». В силу этого статуса она находилась под опекой Папы Римского и Империи, а потому любые претензии на обладание землями «орденского государства» неизменно влекли за собой конфликт с этими двумя чрезвычайно влиятельными институтами, что в полной мере проявилось после секуляризации Тевтонского ордена в Пруссии в 1525 г. [18, 19]. Особый правовой статус Ливонии способствовал сдерживанию открытой экспансии, однако не имел должного эффекта против постепенной экономической интеграции в купе с постепенным наступлением на границу на локальном уровне, что впоследствии предопределило остроту проблемы границ, окончательно разрешившихся лишь с окончательным включением Ливонии в состав Польско-Литовского государства.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФ, проект № 19-18-00183.

²⁵ Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV века. С. 134.

²⁶ Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV века. С. 135.

²⁷ Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik // Beiträge zur Kunde Estlands. Reval, 1928. Bd. 14. S. 97, 111, 133. Tiberg E. Moskau, Livland und die Hanse 1487-1547 // Hansische Geschichtsblätter. 1975. Bd. 93. S. 39.

²⁸ Angermann N. Zum Rußlandhandel von Dorpat/Tartu in der Zeit seiner höchsten Blüte (Mitte des 16. Jahrhunderts) // Die baltischen Länder und der Norden. Festschrift für Helmut Piirimäe zum 75. Geburtstag. Tartu, 2005. S. 82-93; Attman A. The Struggle for Baltic Markets. P. 9-11, Niitemaa V. Der Binnenhandel in der Politik der livlaendischen Staedte im Mittelalter. Helsinki, 1952. 379 s.; Hollihn G. Die Stapel- und Gästepolitik Rigas. S. 89-207; Форстен Г.В. Балтийский вопрос. Т. 1. С. 55, 81-82.

²⁹ Johansen P. Die Bedeutung der Hanse für Livland. S. 1-55.

³⁰ Напьерский К.Е. Русско-ливонские акты. № 25а, № 25б. С. 11-13; LECUB. Bd. 1. № 492. S. 605-606; LECUB. Bd. 6. № 2931, 2967, 3036, 3081. S. 294, 343-348, 440-442, 506-508, а также другие.

1. Йонайтис Р. Палеодемография Русского конца Вильнюса в конце XIII — начале XV в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2016. № 31(61). С. 349-358.
2. Каплунайте И. Локализация торговых мест Вильнюса в XIV—XVI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2016. № 31(61). С. 359-366.
3. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. Изд. 2-е. М., 2010. С. 154-193.
4. Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий и государственности. СПб., 2013. 240 с.
5. Rybarski R. Handel i polityka handlowa Polski w XVI w. Poznan, 1928. Т. 1. S. 50.
6. Benninghoven F. Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann. Hamburg, 1961. S. 156-161.
7. Павулан В.В. Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII—XVII вв. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 79.
8. Дорошенко В.В. Торговля и купечество Риги в XVII веке. Рига, 1985. С. 60-62.
9. Elliott J.H. Europe Divided 1559-1598. Oxford, 2000. P. 47-49.
10. Małowist M. Poland, Russia and Western Trade in 15th and 16th centuries // Past & Present. Oxford, 1958. № 13. P. 27.
11. Гудавичюс Э. История Литвы. М., 2005. Т. I. С. 577-578.
12. Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты. Минск, 1977. С. 95-96.
13. Якубский В.А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л., 1975. С. 6-7.
14. Małowist M. Über die Frage der Handelspolitik des Adels in den Ostseeländern im 15. und 16. Jahrhundert // Hansische Geschichtsblätter. 1957. № 75. S. 29-47.
15. Селарт А. Начало городской жизни в средневековой Ливонии и Руси // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. М., 2009. С. 90-101.
16. Stavenhagen O. Johann Wolthus von Herse, 1470—1471, Meister des Deutschen Ordens in Livland // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Riga, 1897. Bd. 17. S. 27-34.
17. Urban W. Livonian Crusade. Chicago, 2004. P. 503.
18. Jähnig B. Albrecht von Brandenburg-Ansbach und die Säkularisation des Deutschen Ordens in Preußen // Vorträge und Forschungen. 2011. S. 90-99.
19. Halecki O. A history of Poland. New York, 1981. P. 107-109.

References

1. Yonaytis R. Paleodemografiya Russkogo kontsa Vilyunyusa v kontse XIII — nachale XV v. [Paleodemography of the Russian end of Vilnius at the end of the 13th— beginning of the 15th century]. Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli, 2016, no. 31(61), pp. 349-358.
2. Kaplunayte I. Lokalizatsiya torgovykh mest Vil'nyusa v XIV—XVI vv. [Vilnius trading places in the 14th — 16th centuries localization]. Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli, 2016, no. 31(61), pp. 359-366.
3. Krom M.M. Mez Rus'yu i Litvoy. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa KhV — pervoy trety XVI v. Izd. 2-e. [Between Rus and Lithuania. Borderlands in the system of Russian-Lithuanian relations at the end of the 15th – first third of the 16th centuries]. Moscow, 2010, pp. 154-193.
4. Dvornichenko A.Yu. Russkie zemli Velikogo knyazhestva Litovskogo (do nachala XVI v.). Ocherki isto-rii obshchiny, sosloviy i gosudarstvennosti [The Russian lands of the Great Duchy of Lithuania: Essays of the community, estates and state (before the beginning of 16th c.)]. Saint Petersburg, 2013. 240 p.
5. Rybarski R. Handel i polityka handlowa Polski w XVI w. Poznan, 1928, vol. 1, p. 50.
6. Benninghoven F. Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann. Hamburg, 1961, pp. 156-161.
7. Pavulan V.V. Khozyaystvennoe i politicheskoe znachenie daugavskogo torgovogo puti v XIII—XVII vv. [Economic and Political Significance of the Daugava Trade Route in 13th—17th centuries]. Ekonomicheskie svyazi Pribaltiki s Rossiey. Riga, 1968, pp. 79.
8. Doroshenko V.V. Torgovlya i kupechestvo Rigi v XVII veke [Trade and merchants of Riga in the 17th century]. Riga, 1985, pp. 60-62.
9. Elliott J.H. Europe Divided 1559-1598. Oxford, 2000, pp. 47-49.
10. Małowist M. Poland, Russia and Western Trade in 15th and 16th centuries. Past & Present. Oxford, 1958, no. 13, p. 27.
11. Gudavichyus E. Istoriya Litvy [History of Lithuania]. Moscow, 2005, vol. I, pp. 577-578.
12. Ryabtsevich V.N. O chem rasskazyvayut monety [What the coins can tell you about]. Minsk, 1977, pp. 95-96.
13. Yakubskiy V.A. Problemy agrarnoy istorii pozdnesrednevekovoy Pol'shi [Agrarian history issues of late medieval Poland]. Leningrad, 1975, pp. 6-7.
14. Małowist M. Über die Frage der Handelspolitik des Adels in den Ostseeländern im 15. und 16. Jahrhundert. Hansische Geschichtsblätter, 1957, no. 75, pp. 29-47.
15. Selart A. Nachalo gorodskoy zhizni v srednevekovoy Livonii i Rusi [Beginning of urban life in medieval Livonia and Russia]. Baltiya v kontekste Severno-go prostranstva. Ot Srednevekov'ya do 40-kh godov XX veka. Moscow, 2009, pp. 90-101.
16. Stavenhagen O. Johann Wolthus von Herse, 1470—1471, Meister des Deutschen Ordens in Livland. Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Riga, 1897, Bd. 17, pp. 27-34.
17. Urban W. Livonian Crusade. Chicago, 2004, p. 503.
18. Jähnig B. Albrecht von Brandenburg-Ansbach und die Säkularisation des Deutschen Ordens in Preußen. Vorträge und Forschungen, 2011, pp. 90-99.
19. Halecki O. A history of Poland. New York, 1981, pp. 107-109.

Bessudnov D.A. Lithuanian-Livonian trade ways on the eve of the Livonian War. This article analyses trade relations between Livonia and Lithuania on the eve of the fateful January campaign in 1558. Economic relations of Livonia and Lithuania had a noticeable impact on the development of foreign policy relations. The territory of the Livonian Order became a part of the lands of the Polish-Lithuanian sovereign due to economic integration coupled with a gradual expanding of local borders.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Livonia, Poland, Lithuanian-Livonian trade, Livonian War.

Сведения об авторе. Даниил Александрович Бессуднов — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; d.bessudnov@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.10.2019. Принята к публикации 10.11.2019.